

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
.....**В.А. Ядов***

В социологии социальные нормы рассматриваются как составляющие культуры и продукт институтов. Именно общность культуры обеспечивает взаимопонимание, а значит, и адекватное взаимодействие членов данного сообщества. В классических и современных теориях в корпус культуры наряду с идеалами, мифами и ценностями непременно включаются нормы и правила социальных взаимоотношений.

На наш взгляд, при общности объекта внимания, в данном случае регуляторов социальных взаимосвязей, аналитический предмет институционального рассмотрения и центрированного на культуре различен. При обращении к категории культуры акцентируются ее особенности, *смысловые*, символические составляющие социальных норм, правил и поведенческих практик. В институциональном анализе мы концентрируем внимание на *механизмах*, обеспечивающих социальные взаимодействия, т. е. не столько на существовании самих норм, сколько на том, как они возникают и поддерживаются.

1. Социальные институты в классической парадигме

Начиная с О. Конта, а в развернутой формулировке – с Э. Дюркгейма, категория социальных институтов является ключевой в объяснении общественного устройства. Именно социальные институты, эти «фабрики по воспроизводству социальных взаимосвязей» (Э. Дюркгейм), обеспечивают общественную стабильность, ибо они закрепляют правила социальных взаимодействий, диктуют нормы взаимоотношений в обществе и легитимируют неравенство социальных

---

* Ядов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований. Электронная почта: yadov@isras.ru. Публикуемая статья – фрагмент из курса лекций «Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций», подготовленного для издания Федеральным центром повышения квалификации при факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

статусов. Дюркгейм полагал *социальным* фактом не само действие (например религиозность), но отношение к нему как должному или осуждаемому.

Наиболее четко классическую концепцию социальных институтов выразил Толкотт Парсонс в структурно-функциональной теории. Институты осуществляют координацию социальных действий в общественной системе и тем самым обеспечивают ее устойчивое функционирование. Социальный институт есть «организованная система культурных представлений норм, общих для большинства индивидов»¹. Убеденный сторонник аналитических конструкций – неперменного элемента социальной теории, Парсонс предложил четырехфункциональную парадигму AGIL, которая применима для анализа социальной системы как целого, ее подсистем и социальных действий. Adaptation обеспечивает взаимодействие с внешней средой. Применительно к институтам это выражается в интернализации принятых в обществе правил и лояльности к существующим порядкам. Goal attainment (целедостижение) в рамках института – рациональное упорядочение его задач. Например, судебная система согласно Конституции РФ в первую очередь предназначена для защиты прав граждан. Integration – поддержка бесконфликтных взаимоотношений между индивидами, группами, сообществами. Latent pattern maintenance – ролевые образцы, позволяющие поддерживать нормативный контроль.

Как и Дюркгейм, Парсонс считал, что стабильность социальной системы есть благо, а существенные изменения – аномия, т. е. состояние неопределенности, каким нормам и правилам надлежит следовать, ибо одни из них вступают в конфликт с другими. При этом Парсонс настаивал на том, что именно ценности и нормы суть социальных институтов, но не практически наблюдаемые образцы поведения, каковые служат лишь «латентной подосновой» норм.

Роберт Мертон усомнился в адекватности концепции Дюркгейма – Парсонса [10, с. 379–447]. Если по Парсонсу институты призваны стабилизировать социально-культурную систему, то у Мертона они выполняют эту функцию двояким способом: явно или скрытно (латентная функция социальных институтов), более того, сами институты способны превратиться в дестабилизирующий фактор, становятся дисфункциональными.

Российский пример: КПСС, провозглашенная в советской конституции «ведущей и направляющей силой» общества, в своей латентной функции выступала в качестве жестко авторитарной системы, не допускающей несанкционированных инициативных и конструктивных изменений в какой-либо области, будь то экономика, политика или культура. Только после одобрения инициативы партийными органами она принималась как легитимная и настойчиво внедрялась в практику. Советские социальные институты стали дисфункцио-

¹ «Ценностный образец может стать структурной частью социальной системы только в том случае, если он институализирован, иначе говоря, только в случае установления его стабильного взаимодействия с областью взаимодействия» [13, с. 721–722].

нальными, но их латентная дестабилизирующая функция в данной общественной системе принесла пользу в том смысле, что сделала явной необходимость реконструкции системы – горбачевской перестройки.

2. Неинституционализм – радикальная смена парадигмы

В середине 1960-х гг. экономисты Р. Кроуз и Д. Норт предложили принципиально иное понимание механизмов формирования и изменения социальных институтов [9; 12]. В противоположность незыблемой в то время теории структурных функционалистов они дерзнули доказать, что социальные институты постоянно подвержены изменениям. Методологически Норт и Кроуз мыслили иначе, чем Парсонс². Они не исходили из аналитических конструктов в рассмотрении социальных реалий, но, напротив, анализируя реальные экономические процессы, выдвигали теоретические обобщения и предлагали соответствующие метки-понятия.

Принципиальные теоретические обобщения неоинституционалистов следующие:

1. Не только узаконенные нормы социальных (экономических в данном случае) взаимоотношений, но и широко практикуемые неформальные правила являются институтами, т. е. координируют взаимодействия. Неформальные правила суть ограничения обычаем, массовыми образцами поведения и теми смысловыми кодами, которые несут в себе данные поведенческие образцы [12]. К примеру, взятка чиновнику в России или Китае³ традиция.

2. Нетрадиционные правила устанавливаются социальными субъектами (актерами на рынке) на основе рационального выбора и если легитимируются массовым распространением и не противоречат «системе правил» [18], закрепляются законом.

3. Отсюда важное следствие: иницилирующие новые нормы, правила и практики социальные агенты выдвигают на первый план. Понятно, что чем выше экономический, политический, социальный и символический ресурсы данных агентов, тем более вероятна возможность навязывания новых норм относительно слабонересурсным.

4. В отличие от парадигмы жесткой целостности социокультурной системы (Парсонс), новый подход утверждает иной принцип. Деятельность социальных субъектов регулируется формальными и неформальными правилами *в разных полях взаимодействия*: экономическом, правовом, социально-культурном,

² Методологические принципы структурного функционализма Парсонса детально рассматривают Г. Батыгин и Д. Подвойский, как, впрочем, и методологию других классиков [3, с. 276–322].

³ Незаконные практики в современной России широко распространены решительно на всех «полях» социальных взаимодействий. Это убедительно показано эмпирическими исследованиями (см.: [15]).

поле социальных повседневных взаимодействий, политики. Всюду могут существовать свои правила игры, регламентируемые суверенными социальными институтами и принятыми практиками. Иными словами, отвергается принцип устойчивой функциональной взаимосвязи подсистем общества.

Таким образом, *нормой бытия социальных институтов является как раз не их жесткая стабильность, но именно изменения*, реагирующие на динамику социально-экономических и иных процессов.

Неоинституционализм как особое направление разрабатывался исследователями в области экономической теории, поэтому в центре внимания здесь рациональность экономического поведения соответственно принципу «минимизация затрат, максимизация приобретений». Общетеоретическое основание нового понимания социальных институтов следует искать в деятельностной парадигме. Маргарэт Арчер, заимствовав у Бакли сам термин, выдвинула теорию морфогенеза (противопоставив его морфостазису) [1], П. Бурдье ввел понятие «полей» социального взаимодействия, где институтам принадлежит определенная роль, но решающим представляется формирование правил игры участвующими в социальных взаимодействиях агентов, которые к тому же обладают далеко не равными социальными ресурсами (социальным капиталом у Бурдье).

Согласно теории структуризации Гидденса, социальные институты, как и другие структурные элементы общества (например организации), (а) бессубъектны, (б) обладают определенными ресурсами (например, система образования в качестве социального института требует немало материальных и людских средств) и (в) диктуют конкретные нормы, правила использования и накопления институциональных ресурсов. Гидденс указывает на взаимосвязи между бессубъектными институтами и собственно социальными субъектами (индивидами, их сообществами). Социальные субъекты – это, в терминологии Гидденса, «агенты». Но агенты – социальные субъекты первоначально социализируются в рамках тех социальных институтов, которые уже существуют, и лишь позже, приобретя должный личностный и статусный ресурс, своими практическими действиями влияют на изменения социальных институтов и иных структур, вплоть до радикальных их преобразований. Поскольку же социальные институты обладают некими необходимыми для общества собственными институциональными ресурсами (М. Арчер), социальные субъекты создают и правила пополнения и использования ресурсов социальных институтов.

Концепция неоинституционализма выдвигает на передний план не сами институты, не структуры, а действия субъектов, поддерживающие или изменяющие институты. Это переносит фокус внимания исследователя с институтов как структур на процессы их формирования.

Отсюда проблематика, связанная с изучением социальных субъектов. Одни из них обладают значительными экономическими, культурными, социальными

ми (в смысле наличия обширных или ограниченных «сетей взаимодействия» с другими деятелями) и иными статусными ресурсами (назовем их «ресурсоёмкими»), а другие – слабонересурсные, которые, не имея таких капиталов, вынуждены подчиняться устанавливаемым правилам. Иными словами, сильноресурсные социальные субъекты начинают формулировать и закреплять правила социальных взаимодействий, отвечающие их интересам, что позволяет им же расширять поле своего экономического и политического влияния, наращивать свой капитал (экономический, политический, капитал интеракций, контроль за средствами массовой информации и т. п.). Подобно финансовому капиталу на рынке, эти субъекты вкладывают свой социальный капитал в рост путем завоевания доминирующих позиций в обществе. В демократических обществах в роли активных преобразователей социальных институтов выступают многообразные коллективные субъекты – общественные движения, партии и гражданские объединения; они противостоят тем, кто стремится занять командные позиции в становлении новых институциональных правил. Так или иначе проблема социальных институтов переходит теперь в область соотношения различных социальных сил, каждая из которых стремится навязать обществу свои правила игры, либо добивается разумного компромисса.

Например, в российской системе образования нынче введена плата за обучение – пополнение финансов данного социального института. Одни студенты (из сильноресурсных семей) способны следовать данной норме, другие – нет. Им предстоит жесткая конкуренция при поступлении в вуз⁴.

Том Бернс и Хелен Флэм [18] из университета Уппсалы на основе тщательного эмпирического изучения деятельности различных предприятий и фирм предложили «теорию систем правил». Авторы выделяют собственно *систему правил*, во многом зависящих от данной культуры с ее глубокими традициями, далее – *режим правил*, как они поддерживаются позитивными и негативными санкциями, закреплены в инструкциях, и, наконец, *грамматику правил* как усвоенные акторами способы действий в самых разных ситуациях. Их книга заполнена десятками схем, указывающих на ситуации взаимодействия в сфере трудовых отношений и способы применения тех или иных правил в зависимости от ситуации, состава участвующих акторов, наличия или отсутствия более общего регулирующего принципа и т. д. Авторы называют свою теорию «структурно-деятельностной».

Итак, неинституционалистский *деятельностный* подход представляется более адекватным современным социально-историческим условиям динамических и часто неожиданных изменений в социальных системах – в обществах, государствах, миросистеме в целом.

---

⁴ Правда, лучшим студентам вне зависимости от того, платят ли они за свое обучение, за счет государства доступна повышенная стипендия, оплачивается стажировка за рубежом и т. д.

3. Российские институты в анализе соотечественников

Постсоветская институциональная реальность в России, если рассматривать ее с позиции классиков, – драматическая аномия. С позиций неонституционалистов – это норма переходного периода, по существу радикальной смены основополагающих общественных институтов.

Здесь нельзя не задуматься о концепции институциональных матриц. Идея институциональных матриц была высказана Карлом Поланьи, который предлагал рассматривать экономику как институт, встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений. Эта мысль была развита Дугласом Нортом. Последний писал: «Традиция в этнических сообществах определяет не только непрерывность, преемственность социальных институтов, но и границы инноваций, являясь главным критерием их законности и допустимых в данном обществе вариантов социальной активности» [12, с. 51]⁵. Опираясь на эту идею, работы О.Э. Бессоновой, А. Ахиезера и других авторов, новосибирский социолог С. Кирдина предприняла попытку построить теорию институциональных матриц «Х» – восточного типа и «У» – западного. «Матрицы, – пишет С. Кирдина, – это устойчивая сложившаяся система базовых институтов⁶, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической» [8, с. 59]. Различия между матрицами иллюстрирует таблица [8, с. 64–65].

Устройство унитарного типа заведомо обречено на иерархизацию властных отношений: сверху поступают некие указания-распоряжения, снизу – жалобы и обращения к высшему начальству. Раздаточная экономика [4] и сегодня имеет место в России, где регионы-доноры направляют средства не прямо в бюджет регионов-реципиентов (как, например, во Франции), а путем перераспределения центром.

⁵ Далее Д. Норт пишет: «Объяснение того, как и почему происходят инкрементные продолжающиеся изменения и почему даже дискретные изменения (такие как революции и завоевания) никогда не являются абсолютно дискретными, состоит в укорененности неформальных ограничений в обществе. Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических изменений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям. Эти культурные ограничения не только связывают прошлое с настоящим и будущим, но и дают ключ к пониманию пути исторического развития» [12, с. 57].

⁶ Т.И. Заславская пишет: «Социетальные типы обществ определяются небольшой группой “базовых институтов”, по образу и подобию которых строятся все остальные. Общая эффективность институциональной системы, ее способность отвечать на внешние и внутренние вызовы, обеспечивать в меняющихся условиях устойчивое развитие общества зависят в первую очередь от качества институтов, составляющих ее ядро» [7, с. 87].

Типы институциональных матриц

X-матрица	Y-матрица
<i>Редистрибутивная экономика</i> Опосредованное центром движение ценностей и услуг, прав на их производство и распределение	<i>Рыночная экономика</i> Не опосредованное центром и не требующее его согласия движение товаров и услуг
<i>Унитарное политическое устройство</i>	<i>Федеративное политическое устройство</i>
<i>Коммунитарная идеология</i> Доминирование Мы над Я	<i>Субсидиарная идеология</i> Доминирование Я над Мы

Концепция институциональных матриц вполне совпадает с аналогичной социокультурной концепцией В. Федотовой, согласно которой Россия – это «Другая Европа» [16]. Россия, можно сказать, циклически балансирует между Евразией и Азией. Принципиальное отличие России от Европы заключается в традиционном отсутствии гражданских структур – независимых от государства и чиновничества объединений граждан. Западноевропейские и американские матричные структуры устроены иначе – по принципу волчка, или гироскопа. Здесь доминируют гражданские объединения, принцип общественного договора между гражданами и центральной властью, каковая пребывает в состоянии принуждения к открытой публичной политике. Итальянский марксист Антонио Грамши, находясь в тюрьме, писал в связи с Февральской и Октябрьской революциями в России, что на Западе при ослаблении государства устойчивость общества обеспечивают выходящие на поверхность гражданские структуры. В России, если там слабеет государство, рушится все [5, с. 200].

Утверждения С. Кирдиной и В. Федотовой не оставляют нам надежды на сколько-нибудь быструю в масштабе исторического времени трансформацию социальных институтов в либерально-демократическом направлении⁷, свидетельством чего стали административные реформы Президента В. Путина, находящие поддержку большинства граждан. Т. Заславская пишет: «Попадая в российскую среду, формально-правовые нормы либерального типа меняются до неузнаваемости. Дело обстоит так, как если бы они подвергались мутации и в результате становились бы неспособными выполнять свое предназначение — служить общезначимым правилам игры» [7, с. 49].

Вместе с тем нельзя не фиксировать как исторический факт, что и петровские, и столыпинские, и советские, и нынешние реформы имели прозападный

⁷ По данным международного исследования 1999–2000 гг. на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что наша страна должна идти тем же путем, что и западные страны?» утвердительно ответили: 88,1 % жителей Венгрии, 84,1 % – Румынии, 81,3 % – Польши, 74,6 % – Словении, 48,7 % – Болгарии, 44,8 % – Украины, 39,6 % – Белоруссии, а в России – 24,7 %, т.е. *меньше четверти населения* [14, с. 91–94].

вектор, но политика, ради этого используемая, оставалась и остается государственно-принудительной⁸.

Феномен экономической «траншеи». Концепция институциональных матриц ассоциируется с предложенной в конце 1970-х гг. экономической теорией *path dependency* – зависимости экономики стран от ранее пройденного пути. Американский экономист Т. Мэдисон составил таблицу различных показателей состояния экономики европейских стран и стран других континентов, в основном используя архивы колониальных держав Великобритании и Португалии. Таблицы Мэдисона вызвали потрясение. Оказалось, что за 150 лет подавляющее большинство стран не изменили своего положения в ряду экономических лидеров, идущих следом за ними и вплоть до экономически наиболее отстающих. А. Аузан [2] назвал этот феномен «экономической колеей». По подсчетам Л.А. Фридмана⁹, среднедушевой доход на одного россиянина в наиболее благополучном 1913 г. и спустя столетие радикальных преобразований в 2004 г. остался в сравнении с аналогичным показателем в США таким же, а именно около 25 % от американского. Среднедушевой доход в Китае как был, так и остается сегодня вдвое ниже показателя по России (около 12 % от США)¹⁰.

Экономисты нашли, что решающая причина этого удивительного феномена — высокая устойчивость социальных институтов. Д. Норт посчитал, что институциональные правила в области экономики в два раза сильнее коррелируют с порядковым местом страны на мировой шкале сравнительного экономического потенциала 90–100 стран, чем собственно экономические показатели национального дохода, темпов роста, уровня инфляции, собираемости налогов и открытости внешней торговли [12, с. 33].

В таблицах Мэдисона есть лишь два исключения – Великобритания и Япония (вместе с дальневосточными «тиграми»). Великобритания некогда лидировала вместе с Португалией в мировой экономике. Обе были мощными колониальными державами. С утверждением конституционной монархии Британия резко пошла вверх, Португалия, в которой традиционная монархия просуществовала до 1930-х гг., нынче замыкает список западноевропейских стран ЕС по своим экономическим показателям. Японии и «тиграм» пришлось под давлением США после падения фашизма утверждать социальные институты западной «матрицы»¹¹.

⁹ Данные из готовящейся к изданию работы, любезно предоставленные автору.

¹⁰ Не следует смешивать с показателями уровня жизни населения. Среднедушевой доход исчисляется делением объема ВВП на численность населения, так что в него входит и доход от производства вооружений и товаров первой необходимости.

¹¹ Япония, однако, сумела совместить свои традиции с западными нововведениями. Одним из факторов быстрого экономического роста стала успешная адаптация организационно-управленческой структуры современного производства к особенностям национальных трудовых и управленческих навыков, восходящих к этике традиционных внутриобщинных отношений [11].

В сущности, если полагать, что «исторический случай» способен сыграть судьбоносную роль в развитии страны, то единственным механизмом, институционализирующим случай, является демократическое правление. Предложенные обществу отвечающие интересам большинства и согласующиеся с ресурсами страны новые идеи имеют вероятность быть реализованными в силу того, что сторонники этих идей могут занять ключевые посты в государственной власти. В глубоко аналитической книге Е. Ясин [17] страстно полемизирует со С. Кирдиной и, не отрицая идею институциональных матриц, оптимистически видит будущее демократии в России. Он называет это проектом «модем» — модернизацией демократии снизу, а не сверху, как всегда было в российской истории. Становление такой демократии представляется автору возможным в предстоящие 30–40 лет благодаря выходу на авансцену общественной жизни новых поколений элит и граждански активных людей, которые будут вынуждены осознать необходимость не усеченной демократической системы, а доминирования гражданских структур, интересы которых институционально были бы закреплены общественным договором с государством.

Библиографический список

1. *Арчер М.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
2. *Аузан А.А.* Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. №3.
3. *Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г.* История социологии. М.: Новый учебник, 2004.
4. *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1997.
5. *Грамиши А.* Соч. М.: КТО, 1957. Т. 3.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 15.
7. *Заславская Т.И.* Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, 2003.
8. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: ИЭИ ОПП СО РАН, 2001.
9. *Кроуз Р.* Фирма, рынок, закон. М.: Дело, 1993.
10. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996.
11. *Моритани А.* Современная технология и экономическое развитие Японии. М.: Наука, 1986.
12. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
13. *Парсонс Т.* О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
14. Укрепление демократии в Центральной и Восточной Европе (1999–2000 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1.

15. Шабанова
16. Федотова В.Г. Трансформация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
17. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М.: Фонд «Либеральная миссия». 2005.
18. Burns T., Flam H. The Shaping of Social Organization. Beverly Hills: Sage, 1987.